

Тина Арсеньева

Святочное: прямая трансляция

1.

Умаясь, припало небо к мостовой,
Накрывая город мокрым лобызаньем,
И, сия осовелыми глазами,
В зев небес втянулась трасса по кривой.

Удаляется по вырубкам декабрь –
Стылой ризницы замызганный блюстититель,
Ходит маятником стрелка-очиститель,
И тарашится такси зеркальный карп.

Взяв разбег вдоль пенной кромки, бур и пег,
Парк застопорен гипнозом светофора.
Не белы снега на север от Босфора –
Может, где-то над Ла-Маншем мокрый снег.

Может, где-то над Ла-Манчей синий скол
Проясняет книжной залежи старанья,
Чуда каждого среди всякого собранья
Воплотив новозаветный протокол.

В парке тлеющую залежь вороша,
В хриплых выкриках вороньего хурала
Над землей, которой я не выбирала,
Тшущь расслышать, где живет моя душа.

Ей-то знамо, что и я не навсегда
Поселилась на развалке суматошной,
Где, незримая, за облачную толщей
Дождалась-таки сочельника звезда.

И, как вдоль потухших бакенов баркас,
В крен ложась, Земля вслепую и с одышкой
Входит в гавань, где заварят звездной вспышкой
Мироздания расшатанный каркас.

2.

Снега и зимы нынче порознь –
Добро бы так от сей поры:
Не помнящая снега поросль
Зимой не ведает хандры.

Не станут воды белым ложем,
Но пусть надышится дитя
Арбузным запахом погожим,
Вдоль вод на роликах летя.

Когда бы так! Когда б сиренам
Не взныть из белой пелены,
Открыв бодрящимся сиреням
Подвох довременной весны.

Она же, уличной панелью
Процокав, станет на учет,
Как только белою шрапнелью
Обрывы небо иссечет.

Дорогу приравняет к бедству
Над белой згой кромешный вран,
И будет как тоска по детству
Тот возмутительный буран.

Как для проветриванья хутро,
На мир напаян снегопад:
Любое мыслимое утро
Его истратит невпопад.

Тогда тоски ослабнут клещи,
Как вихрь слабеет, снег клубя,
И обречем простые вещи
Взамен утраченных себя:

Шоссе, посыпанное солью,
Снежком припудренный товар
И ревунов зубною болью
В ночи истерзанный бульвар;

Оледенелую оснастку
На водах цвета синяка
И склоны, беленные наспех,
И брэнного снеговика.

И заговорщицки сигналить
Начнут в тумане маяки,
Что эта временная наледь –
Эдему Юга вопреки,

Но и ему не сыщешь средства,
Чтоб оставался навсегда,
Лишь вождельнем бусин детства
Морочит нас его звезда.

3.

Уже не привыкать, что шлейф преданий
В прорехах, как планетный слой озона,
А святочных катаний и гаданий
До катастрофы ровно два сезона.

Зима! Крестьянин, соразмерным суткам
Вручая весей смирную отраду,
Взбодрит их перваком и первопутком,
Взамен труда снизить на автостраду.

Не малевать усищи жженой пробкой,
Не вопрошать свечи зрачок зеркальный –
Съезжаем. Над фамильной коробкой
Стоит эпоха с описью фискальной.

В другом саду другим уже качелям
Сиротство в перешептываньях ливня,
И снова разводить огонь кочевьям
В охвате неопознанного лимба,

Не зная ни пути, ни сколь он долог,
Ни тех, кто впал в крушение круженья, –
Ведь всяк из нас, как зеркала осколок,
Что слепнет, изгоняя отраженья.

Огромный город, вечера, стынет
И затихает, как мотор в кювете;
Над ним звезда, космата, как пустынный,
Вопит о неисполненном завете.

4.

Зимний сумрак бьется над загадками
На полузабытом языке,
Наследив хохочущими галками
У заката в розовой строке.

Словно с благоглупостями школьными
Обрывая милое родство,
Город, отмерцавший колокольнями,
Повернул рубильник делово.

И, в трезвенье света многократного,
Благодарен будь, идя к столу,
Коль с упорством нищего привратного
Прошлое не тянет за полу,

Опыт же течет, подобно олову,
В брешь, туда, где первая твоя
Память замирает, вскинув голову
Ко вратам загадки бытия.

Как ее спясть, самозабвенную,
С жизнью, чтобы с чистого листа
Шифровала тайну сокровенную
Городских потемок суета,

И, чураясь, будто места лобного,
Подиумов блеска на миру,
Чья-то юность, Сетью не уловлена,
Зазывала б к дальнему костру,

Что гудит, как зори меж рогатками
Оголенных зазимком ветвей
Там, где юный сумрак над загадками
Бьется в грозном рокоте кровей.

5.

Вчерашних елок обмороки в блестках,
И, в пасмурном рассеянье лучей,
Так золоты на людных перекрестках
Барочные витушки калачей!

На паровозе пестрая попона,
И маги в преклонении колен
В парче и в бородах из синттепона
Въезжают в диснейлендовый Белен*.

* Белен - Вифлеем.

Стройны жирафы, а слоны дебелы,
Сам черт в жонглерах прислужиться рад,
Постромки обрывают львы Кибелы**,
И лупит в толпы карамельный град.

Но стрелка по дисплею засновала,
И в вороха бенгальского огня
Зарылось ликование карнавала,
В котором нет – о Боже, нет! – меня.

А в наши тьмы на святочном верблюде
Не въедет мавританская княжна.
Смиренна ночь, деibel калач на блюде,
Узвар горяч, – какого бы рожна?..

Не ветхих ли материй подоплека?
Не сед ли вихрь, воздвигший дол стоймя?..
И не душа ль к там-далекó-далёко
Постромки рвет, из тела бег стремя?

6.

На базаре, как на карнавале,
Мишура, румяна и белила.
Вот уже зима на перевале,
Только б, нисходя, не насолила, –

Пусть сорит: сквозь святочные толпы
Море смятой кажется фольгою;
И теплынь – глядишь, январский тополь,
С толку сбитый, выбренчит серьгою.

А у маяка потеют линзы,
В пар вперясь, где солнца ли попытка,
Или рынок в небо кругом брынзы
Запустил в восторге преизбытка.

** Фонтан Кибелы в Мадриде.

Южных зим семь пятниц на неделе
В проясневшем спутались зените
Ворохами облачной кудели,
Чтобы спрялись водяные нити,

Чтобы выткать скрытные туманы,
Чтоб курились волны у причала,
Да чтоб, прикурив, на нем романы
Закрутить вразнос – как жизнь с начала!

И на кураже Эвксинска Понта
Век беря на взвод донельзя туго,
Сводки только б с облачного фронта
Слушать в треволнении испуга.

